

Диггеры

A futuristic tunnel with a glowing circular portal leading to a cityscape. The tunnel is made of dark, industrial-looking metal with visible pipes and structural beams. The floor consists of a set of tracks leading towards the portal. The portal itself is a large, circular opening framed by a thick, dark metal ring. Inside the portal, a vibrant, multi-colored glow (purple, blue, yellow, and orange) emanates from the edges, creating a bright ring of light. Through this ring, a futuristic cityscape is visible. The city features tall, slender skyscrapers with glowing windows and architectural details. A sleek, silver car is driving on a road that curves through the city. In the upper left of the city view, a flying car is seen in motion. The overall atmosphere is one of advanced technology and underground exploration.

Глория Голд
Ник Даймонд

Глория Голд Диггеры

<https://litres.ru/73938133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 2025 год. Четверо друзей-диггеров спускаются в заброшенную шахту Метро-2 и находят древний портал, переносящий их в прошлое – в самое пекло монгольского набега на Русь. Спасаясь от погони и пытаясь выжить, они открывают дверь в далекое будущее, где человечество почти бессмертно, но медленно вымирает.

Героям предстоит сделать выбор между вечностью и любовью, между удобным раем и настоящей жизнью. Они вырастут из легкомысленных искателей приключений в хранителей времени, передавая тайну своим детям и внукам.

«Диггеры» – это семейная сага, где время становится не врагом, а союзником. История о том, что самые большие сокровища лежат не под землёй, а в сердцах тех, кто готов идти за вами хоть в прошлое, хоть в будущее.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Дети подземелий	9
Глава 2. Силикатная бездна	24
Глава 3. Портал	35
Глава 4. Княжество на костях	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глория Голд

Диггеры

ПРОЛОГ

Москва, 1999 год. Строгинская пойма

Земля под Москвой дышала.

Станислав Белов знал это лучше, чем кто-либо другой. Тридцать семь лет инженерной геологии, двадцать из которых – на спецобъектах Министерства обороны, научили его одному простому правилу: под ногами никогда не бывает тишины. Где-то там, внизу, гуляли грунтовые воды, смещались плиты, оседали старые выработки известняка, но сегодняшнее дыхание было иным.

Он стоял на краю котлована в Строгино. Обычный сентябрьский вечер, пахло рябиной и сырым песком. Строительство нового жилого комплекса остановили две недели назад, когда экскаваторщик наткнулся на пустоту. Не на трубу, коллектор или старый бункер – именно на пустоту. Георадар показал: под слоем глины и известняка на глубине сорока метров залегает полость идеально правильной формы. Сфера диаметром двадцать семь метров.

– Товарищ Белов, спускаться будете?

Голос принадлежал молодому лейтенанту из Управления

специальных объектов. Белов даже не обернулся, он смотрел в черный зев шахты, которую пробурили буровики за последние сутки. Оттуда тянуло теплом, в сентябре, когда земля уже начинала отдавать летнее тепло, это казалось нормальным. Но это тепло было другим – глубоким, древним, словно кто-то долго и ровно дышал прямо в лицо.

– Освещение дали? – коротко спросил Белов.

– Так точно, люминесцентные ленты на всю глубину. Но... – лейтенант замаялся, – приборы немного сходят с ума, магнитное поле пляшет.

Белов усмехнулся, он видал такое в Заполярье, когда бурили вечную мерзлоту и находили линзы газогидратов. Там тоже приборы сходили с ума. Но Заполярье было далеко, а здесь – Москва, центр Русской платформы, где всё должно быть спокойно и предсказуемо.

Спуск занял полчаса. Люлька поскрипывала, стены шахты были сухими, что само по себе странно для поймы Москвы-реки. Белов считал кольца крепления: двадцатое кольцо, двадцать пятое, тридцатое. На тридцать пятом метре воздух изменился – пропал запах сырости, появилась странная металлическая сухость, как в радиолоборатории.

Дно шахты встретило его светом прожекторов и гулом генераторов. Трое спелеологов из горноспасательного отряда уже стояли у стены, которая не была стеной. Это был свод, гладкий, серый, с едва заметными прожилками, похожими на вены на старческой руке. Белов подошел ближе, снял пер-

чатку, коснулся поверхности.

Она была теплой и чуть заметно пульсировала.

– Что это, Станислав Андреевич? – спросил кто-то из спелеологов. Голос парня срывался на фальцет.

Белов не ответил. Он достал геологический молоток и несильно ударил по поверхности. Звук был глухим, вязким, словно молоток увяз в смоле. На месте удара не осталось даже царапины, но прожилки на мгновение вспыхнули тусклым золотистым светом.

– Бетон? – предположил спелеолог. – Старая кладка?

– Нет, – Белов покачал головой. Он провел рукой по прожилкам. Они ветвились, уходили вглубь материала, напоминая кровеносную систему. – И это растет.

– Что?

– Это не построено, оно выращено.

Восемнадцать часов спустя Белов сидел в кабинете начальника Управления и смотрел на фотографии, сделанные в полости. Сфера оказалась абсолютно пустой – ни оборудования, ни следов пребывания человека, ни даже пыли. Только идеально гладкий пол и стены, светящиеся слабым фосфоресцирующим светом. Георадар просветил стены на метр вглубь – за ними была порода. Никаких ходов, никаких дверей, просто сфера посреди известняка карбонового периода, которой там быть не могло.

– Закрываем объект, – сказал начальник, грузный генерал с усталыми глазами. – Бетонируем шахту, ставим на кон-

троль. Вам, Станислав Андреевич, просьба подписать бумаги о неразглашении.

– Но это же открытие! – Белов вскочил. – Там материал с невероятными свойствами, там...

– Там аномалия, – жёстко перебил генерал. – А мы не любим аномалии ближе тридцати километров от Кремля. Вы это знаете не хуже меня.

Белов опустил обратно на стул. Он знал, знал про метро-2, про Д-6, про секретные бункеры в Таганском холме. Знал, сколько странного покоится под московскими улицами. Но это... было совсем иное.

– Мой сын, – вдруг тихо сказал он. – Антон, он интересуется подземельями, я хочу, чтобы он знал.

Генерал помолчал, потом медленно кивнул:

– Передайте ему на словах. Без координат и документов. Просто... предупредите. Чтобы, если когда-нибудь... – он не закончил фразу.

Через месяц шахту залили бетоном, стройку продолжили, а над сферой вырос двадцатипятиэтажный дом. Люди въезжали в квартиры, не зная, что спят над сердцем, которое билось задолго до того, как первый человек ступил на эту землю.

Станислав Белов умер в 2018 году от сердечного приступа. На похоронах его сын Антон, двадцатипятилетний археолог-любитель, стоял у гроба и сжимал в кармане старую, выцветшую фотографию, которую отец передал ему за неделю до смерти. На фотографии была сфера. И надпись на оборо-

те, сделанная дрожащей рукой: «Там, внизу, не пусто, там ждут, но я так и не понял – чего».

Антон тогда не придал значения этим словам.

Он поймет их позже.

Двадцать шестого октября 2025 года, когда четверо друзей спустятся в старую шахту Метро-2, чтобы проверить слухи о странной аномалии, магнитометр Максима Коробецкого взвояет сиреной, воздух запахнет гарью, а земля под ногами исчезнет, уступая место вечности.

И Антон вспомнит отца.

Вспомнит его глаза, когда тот рассказывал о теплых стенах и золотистых прожилках.

Вспомнит и поймет: они искали приключения, а нашли колыбель.

Или могилу.

Времени оставалось ровно столько, чтобы сделать первый вдох по ту сторону реальности.

Глава 1. Дети подземелий

Москва, 2025 год. Октябрь

Антон Белов ненавидел слово «диггер».

В нем было что-то пацанское, несерьезное – отдает консервными банками, кострами в подземных переходах и рассказами про призраков в коллекторах, которыми пугают доверчивых школьников. Он предпочитал называть себя спелеологом-любителем, хотя прекрасно понимал разницу: настоящие спелеологи лазают по природным пещерам в известняках и гипсах, а он всю сознательную жизнь ползал по рукотворным дырам, в которые Москва засасывала в себя, как удав кроликов.

– Очнись, сталкер. Кофе стынет.

Даша протянула ему пластиковый стаканчик. Капучино из автомата на Павелецком вокзале – гадость редкостная, но горячая. Антон принял стакан, благодарно кивнул. Дарья Сомова умела появляться вовремя. За это он её и ценил. И еще за то, что она не задавала лишних вопросов, когда он в десятый раз перебирал снаряжение, проверяя каждую мелочь.

Они сидели на низком парапете у входа в торговый центр. Октябрьское утро цепляло мокрым снегом, ветер гонял по асфальту обрывки чеков и окурки. Москва просыпалась нехотя, с перегаром выхлопных труб и ворчанием утренних

пробок. Где-то сигналили маршрутка, где-то орала сигнализация, привычный шум мегаполиса обтекал их, не задевая.

– Макс звонил, – Даша поправила шапку, спрятала руки в рукава пуховика. Она вообще мерзла всегда, даже в июле, и вечно куталась в три слоя одежды, отчего казалась меньше и беззащитнее, чем была на самом деле. – Сказал, будут к десяти. У него какие-то проблемы с «болванчиком».

– У него всегда проблемы, – Антон хлебнул кофе, поморщился. – Если бы Макс не создавал себе проблемы на ровном месте, он бы умер от скуки.

– Он боится.

– Чего?

– Тебя подвести.

Антон промолчал. Это было слишком близко к правде, чтобы обсуждать на ветру у Павелецкого. Максим Коробецкий действительно боялся. Не подземелий, нет – они лазали по коллекторам с пятнадцати лет. Максим боялся собственной несостоятельности. Синдром отличника, переросший в хронический невроз. В их компании он был «мозгом», инженером, электронщиком. А значит, любая поломка оборудования автоматически становилась его личной трагедией.

– Настя с ним? – спросил Антон, чтобы сменить тему.

– А Настя без него бывает? – Даша усмехнулась, но в усмешке сквозила легкая зависть, или Антону показалось?

Анастасия Орлова появилась в их жизни два года назад – пришла на лекцию по москвоведению в библиотеку име-

ни Ленина, села в последний ряд и весь вечер сверлила Антона глазами. Тогда он подумал: еще одна фанатка, наслушалась баек про подземную Москву, хочет романтики. Но Настя быстро переключилась на Максима. Или Максим переключился на нее – это осталось загадкой. Они стали парой моментально и неразрывно, как сиамские близнецы. Даша однажды сказала: «Они любят друг друга так громко, что иногда хочется заткнуть уши». Антон тогда не понял. Сейчас, глядя, как Даша кутается в пуховик и отводит глаза, кажется, начал понимать.

Он хотел что-то сказать, но в кармане завибрировал телефон. Макс.

– Мы на месте, – голос в динамике звучал взволнованно. – Стоим у западного входа, где памятник. Тут Настя местных кошек подкармливает, идите быстрее, а то она всех окрестных котов удочерит.

– Идем.

Антон поднялся, протянул Даше руку. Она приняла ее с легкой заминкой – словно проверяла, не слишком ли поспешно. Пальцы у нее были ледяные даже сквозь перчатки.

– Согрейся сначала, – Антон сжал ее ладонь. – Успеем.

– Мы опаздываем.

– Пусть подождут.

Даша подняла на него глаза. В сером утреннем свете они казались почти прозрачными, цвета балтийской воды. Антон вдруг поймал себя на мысли, что знает этот взгляд уже два-

дцать лет, с первого класса, когда она села за соседнюю парту и положила на край стола тощий портфель с Барби. Тогда она была мелкой, вредной, вечно ябедничала учительнице, если мальчишки дрались на перемене. Потом они выросли, школа кончилась, жизнь раскидала – кто в институт, кто в армию, кто в никуда. Но Москва свела их снова. Или подземелья? Антон не был уверен.

– Ты чего смотришь? – спросила Даша.

– Думаю, как ты умудряешься мерзнуть даже в октябре.

– Плохое кровообращение. Наследственное.

– Врешь.

– Не вру.

– Врешь, – повторил Антон. – Просто ты всегда хочешь, чтобы тебя согрели.

Даша выдернула руку, но без злости. Скорее смущенно.

– Психолог хренов. Пошли уже, а то Настя и правда всех кошек переловит.

Западный вход Павелецкого вокзала – место странное. С одной стороны, торопливые пассажиры, чемоданы на колесиках, очереди в кассы. С другой – будто законсервированный кусочек старой Москвы: чугунные решетки, облезлая краска на колоннах, памятник Ленину, который уже никто не замечает. Максим Коробецкий стоял, прислонившись к граниту постамента, и нервно крутил в пальцах дозиметр. Рядом, на корточках, Анастасия раскладывала перед тремя тощими котами содержимое пакета с «Вискасом».

– Опаздываете, – констатировал Макс без тени упрека. Просто факт.

– Ты сам сказал – к десяти, – Антон пожал плечами. – Мы пришли.

– Я сказал – к десяти, а сейчас 10:07. Семь минут, Белов. При нашей работе семь минут могут стоять...

– Жизни, знаю. – Антон хлопнул друга по плечу. – Расслабься. Мы идем не на штурм Рейхстага, а в старую выработку. Там максимум, что нам грозит – обвалившаяся штукатурка.

Максим дернул щекой, но промолчал. Высокий, чуть сутулый, с вечно взлохмаченными русыми волосами и внимательными глазами за стеклами очков, он производил впечатление типичного «ботаника», который боится собственной тени. Впечатление было обманчивым. Антон видел Макса в деле два года назад, когда они попали в аварию на Ленинградском шоссе. Макс, не сказав ни слова, вытащил из горящей машины водителя, обжёг руки, порвал куртку и даже не закричал, когда у него самого загорелся рукав. Он умел быть решительным. Просто включал этот режим только тогда, когда без него нельзя было обойтись.

– Кис-кис-кис, – Настя поднялась, отряхивая джинсы. Рыжие коты проводили ее разочарованными взглядами. – Ну чего вы застыли? Идем или нет? Я замёрзла.

– Ты всегда замёрзшая, – буркнул Макс, но в голосе проступила нежность.

Настя была полной противоположностью Даши. Если Даша – тихая вода, северное озеро, то Настя – живой огонь, бенгальский фейерверк. Короткая стрижка, выкрашенная в немыслимый рыжий цвет, веснушки, которые не прятала, а подчеркивала, громкий смех и привычка вступать во все разговоры сразу. Историк, аспирантка, фанатка древней Руси, которая могла отличить вятичское захоронение от кривического по одному взгляду на черепок. Антон ценил ее знания. Иногда – бесила её манера всё драматизировать.

– Снаряжение проверили? – спросил Макс, когда они нырнули в подземный переход.

– В машине, – ответил Антон. – Оставил на стоянке у «Павелецкой плазы». Там всё: верёвки, каски, фонари, батареи, аптечка, твои приборы.

– Мои приборы я сам несу, – Макс похлопал по объемистому рюкзаку. – Там такое, знаешь ли... Я там гравитометр доработал. Чувствительность повысил в три раза. Если под землей есть хоть какая-то аномалия, он её засечёт.

– Аномалии, – фыркнула Настя. – Как в сталкерских играх? Артефакты собирать будем?

– Смейся-смейся, – Макс обиженно поджал губы. – Гравитационное поле Земли неоднородно. Там, где есть пустоты, особенно заполненные газом или водой, показатели меняются. Это физика, а не фантастика.

Даша шла чуть поодаль, прислушиваясь к перепалке. Антон замедлил шаг, поравнялся с ней.

– Не спи.

– Не сплю. Думаю.

– О чем?

Даша помолчала, глядя под ноги, на грязный плиточный пол перехода, по которому сновали утренние пассажиры.

– О том, зачем мы это делаем. Нам всем за двадцать пять.

У Макса своя мастерская по ремонту электроники, у Насти аспирантура, у тебя – ты хоть и бездельничаешь официально, ноклады ищешь не просто так, наверное. У меня работа в поликлинике. Нормальные люди в выходные в парки ходят, в кино, в кафе. А мы лезем в дыры под землей. Зачем?

– Тебе не нравится?

– Не знаю. – Даша остановилась, пропуская вперед группу китайских туристов с чемоданами. – Нравится. Но иногда страшно.

– Чего боишься?

– Что однажды мы не вернемся.

Антон хотел сказать что-то ободряющее, но в этот момент Макс налетел на столб и выругался. Настя залилась смехом, эхо заметалось под сводами перехода. Момент был упущен.

– Идём, – Антон взял Дашу за локоть. – Я тебя не брошу. Обещаю.

Она ничего не ответила, но позволила себя вести.

Машина Антона – старенькая «Шевроле Нива», вся в царапинах и пятнах грязи – дожидалась их на втором этаже парковки. Антон купил её три года назад специально для вы-

лазок: дёшево, проходимо, не жалко. Внутри пахло бензином, собакой (хотя собаки у него не было) и прелой листвой.

– Колодец, – объявил Макс, открывая заднюю дверь и впихивая свой рюкзак между ящиками со снаряжением. – Ты не забыл лебедку?

– В ящике.

– Фонари заряжены?

– Сам проверял вчера.

– Аккумуляторы?

– Макс, заткнись, – ласково посоветовала Настя, усаживаясь на переднее сиденье и пристёгиваясь. – Дай людям выдохнуть.

– Я просто хочу, чтобы все было...

– Идеально? – Даша забралась назад, рядом с коробками.

– Идеально не бывает, Максик. Бывает только хорошо подготовлено.

– Это я и имел в виду.

Антон повернул ключ зажигания. «Нива» чихнула, кашлянула и завелась с третьего раза.

– Куда едем? – спросила Настя.

– На Варшавку. – Антон вырулил с парковки, влился в поток. – Там, за бывшим заводом ЗИЛ, есть зона отчуждения. Не Чернобыль, конечно, но свои несколько гектаров брошенной промзоны. В девяностые там пытались построить продолжение метро, даже шахту проббили. Потом деньги кончились, шахту законсервировали, залили бетоном. Но,

по слухам, за бетоном не пустота, а старые выработки. Черт знает какой древности.

– Откуда слухи? – Макс наклонился вперед, чуть ли не дыша Антону в затылок.

– Есть люди. Диггеры старой школы. Те, кто ещё в восьмидесятых лазал. Один дед недавно умер, так перед смертью рассказывал, что там, под ЗИЛом, такие глубины, что конца-края нет. И будто бы находили там... – Антон запнулся.

– Что находили? – Настя подалась вперед.

– Странные вещи. Керамика, похожая на древнерусскую, но глубже, чем ей положено быть. Следы обработки камня. И кое-что еще.

– Что?

– Металл. Который не ржавеет. И не поддается датировке.

В машине повисла тишина. Даша сзади заерзала, устраиваясь поудобнее.

– Ты веришь в это? – спросила она тихо.

– Я верю в то, что можно проверить. – Антон перестроился в правый ряд, пропуская автобус. – Мы придём, посмотрим, проверим. Если там ничего нет – значит, дед был фантазёром. Если есть... ну, тогда у нас будет материал для размышлений.

– И для диссертации, – вставила Настя. – Если там реально древняя керамика на такой глубине... Это ж сенсация. Геология и археология поссорятся навеки.

– Пусть ссорятся, – Макс поправил очки. – Главное, чтобы

мы были первыми.

Дорога до Варшавского шоссе заняла сорок минут. Москва кончилась неожиданно – просто дома стали ниже, потом исчезли вовсе, уступив место пустырям, гаражам-ракушкам и серым коробкам складов. Антон свернул на грунтовку, «Нива» запрыгала по ямам, Настя взвизгнула, когда их подбросило на особо жестком ухабе.

– Терпи, казак, – усмехнулся Антон. – Дальше хуже будет.

Хуже стало через полкилометра. Грунтовка упёрлась в бетонный забор с колючей проволокой поверху. Ворота были заварены крест-накрест ржавыми железными полосами, но справа от них зиял пролом – аккуратный, словно кто-то вырезал кусок забора болгаркой.

– Местные постарались, – прокомментировал Макс. – Металлолом собирают.

– Или не только, – Антон заглушил двигатель. – Дальше пешком.

Они выгружались молча, сноровисто. За годы дружбы каждый знал свой маневр. Макс проверял приборы, Настя тащила легкие вещи – веревки, карабины, Даша отвечала за аптечку и термосы, Антон – за общую координацию и фонари. Через пятнадцать минут они стояли у пролома, полностью экипированные: каски с налобными фонарями, разгрузки с карманами, высокие берцы, перчатки.

– Красота, – Настя крутанулась на месте, ловя лицом слабое октябрьское солнце. – Как в детстве.

– В детстве мы в подвалах лазали, – напомнил Макс. – Там пахло кошками и было не страшно.

– А тут страшно?

– Пока нет.

За проломом начиналась территория забытой промзоны. Ржавые остовы цехов, кучи строительного мусора, битый кирпич, одичавшие кусты. И тишина. Непривычная для Москвы, глубокая, вязкая тишина, которую нарушал только далекий гул Варшавки и собственное дыхание.

– Где вход? – спросила Даша, оглядываясь.

– Вон там, – Антон показал рукой. – Видишь холм? Это отвал породы. Рядом должна быть вентиляционная шахта. Если дед не врал, она не полностью забетонирована.

Холм оказался ближе, чем казалось. И выше. Лезть пришлось по осыпающемуся грунту, хватаясь за корни чахлах кустов. На вершине их ждал сюрприз: бетонное кольцо, выступающее из земли, а в центре – черный провал, прикрытый сверху ржавой решёткой.

– Решётка не старая, – Макс постучал ногой. – Год, может, два назад ставили. Но уже проржавела насквозь.

– Уберем?

– Легко.

Потребовалось полчаса и монтировка, чтобы сдвинуть решётку. Под ней открылась темнота. Абсолютная, непроницаемая, пахнущая сыростью и чем-то еще – металлическим, холодным, древним.

– Давай прибор, – Антон протянул руку.

Макс подал дозиметр. Антон опустил его на верёвке в шахту, подождал минуту, вытащил.

– Фон в норме. Можно спускаться.

– Я первая, – вызвалась Настя.

– Нет, – отрезал Антон. – Я пойду первым. Макс замыкающий. Даша сразу за мной, Настя перед Максом. Страхуем друг друга. Вопросы?

Вопросов не было.

Антон закрепил веревку на ближайшей арматуре, дёрнул, проверяя надёжность, включил фонарь на каске и шагнул в темноту.

Стены шахты были мокрыми, скользкими. Местами торчала арматура, местами бетон обвалился, открывая кирпичную кладку гораздо более старую. Антон считал про себя метры. Пять. Десять. Пятнадцать. Фонарь выхватывал из темноты куски стен, похожие на кадры старой кинохроники.

– Как там? – донеслось сверху. Голос Даши.

– Нормально. Спускайтесь.

На двадцатом метре шахта кончилась. Антон ступил на твердый пол, огляделся. Они попали в штрек – узкий коридор, уходящий в обе стороны. Стены были отделаны досками, старыми, прогнившими, но все еще держащими форму.

– Красота, – выдохнула Настя, оказавшись рядом. – Настоящая заброшенная шахта.

– Не спеши радоваться, – Макс спрыгнул последним, по-

правил очки, включил свой гравитометр. – Ого.

– Что? – обернулся Антон.

– Аномалия. Слабая, но есть. Метрах в ста отсюда, в том направлении. – Макс показал налево.

– Туда и пойдём.

Они двинулись по штреку. Тишина здесь была совсем другой – давящей, тяжелой. Шаги звучали глухо, словно воздух не хотел пропускать звук. Даша держалась ближе к Антону, он чувствовал её дыхание за спиной.

– Сколько мы уже под землей? – спросила она шепотом.

– Минут двадцать.

– Кажется, что вечность.

– Привыкнешь.

Штрек вильнул, раздвоился. Макс сверился с прибором, выбрал правый ход. Стены постепенно менялись: доски исчезли, уступив место голому камню. Не бетону – именно камню, обработанному, гладкому, словно его шлифовали вручную.

– Это не современная кладка, – Настя замедлила шаг, провела рукой по стене. – Антон, это... это похоже на известняк. Но обработан и очень давно.

– Сколько?

– Не знаю. Нужен специалист, но если я угадала, то тут было людно ещё до того, как Москву построили.

– До Москвы? – Макс хмыкнул. – Тут тысячу лет назад лес был, болота и редкие деревни.

– А если раньше?

Спор прервал сигнал гравитометра – резкий, визгливый, режущий уши. Макс подскочил, едва не выронив прибор.

– Что это?

– Не знаю. – Макс смотрел на экран побелевшими глазами. – Такого не бывает. Гравитация тут... она скачет. Как пульс.

– Пульс?

– Да, ритмично скачет. Смотри сам.

Антон подошел, взглянул на график. Ровная линия пульсировала с частотой примерно шестьдесят ударов в минуту.

– Как сердце бьется, – тихо сказала Даша.

Они переглянулись. Свет фонарей выхватывал из темноты напряженные лица, глаза, в которых страх мешался с любопытством.

– Идем дальше, – решил Антон. – Осторожно.

Коридор расширился, превратившись в зал. Огромный, с высоким сводом, теряющимся в темноте за пределами света фонарей. Пол был ровным, словно отполированным. В центре зала возвышалось нечто, напоминающее алтарь – каменная плита на массивном основании.

– Ничего себе, – выдохнула Настя. – Это же...

Она не договорила. Макс вскрикнул – гравитометр в его руках зашелся сплошным воем, стрелки на приборах заплясали, свет фонарей замигал, воздух наполнился странным гудением.

– Назад! – закричал Антон. – Все назад!

Но было поздно.

Пол под ногами исчез.

Точнее, он остался на месте, но перестал быть опорой. Антон проваливался куда-то, хотя физически продолжал стоять. Ощущение было чудовищным – словно реальность раскололась, и он падал между слоев.

Он успел увидеть лица друзей – искаженные ужасом, протянутые руки Даши, которая пыталась его поймать, Настю, вцепившуюся в Макса, и свет.

Свет шел отовсюду.

Золотистый, теплый, пульсирующий в том же ритме, что и гравитация.

А потом мир выключился.

Глава 2. Силикатная бездна

Сознание возвращалось толчками – медленными, тягучими, как патока. Антон лежал на чем-то твердом и холодном и смотрел в потолок, которого не мог разглядеть, потому что веки не слушались. Где-то рядом капала вода. Размеренно, успокаивающе: кап... кап... кап... Потом добавился второй звук – тихий, жалобный стон. Женский. Даша. Антон рванулся, пытаясь встать, и тут же пожалел об этом – голову прострелило острой болью, перед глазами поплыли разноцветные круги.

– Лежи, идиот, – раздался голос Максима. – Куда собрался?

– Даша...

– Жива твоя Даша, стонет, значит, живая. Ты как сам?

Антон прислушался к себе. Голова гудела, во рту было сухо, но руки-ноги двигались. Он приподнялся на локте, огляделся. Они лежали в центре огромного зала. Высокий куполообразный потолок терялся в темноте, само пространство освещалось мягким золотистым светом, который исходил от стен. Они не горели, не отражали – именно светились, ровным теплым фосфоресцирующим светом.

– Охренеть, – выдохнула Настя. Она сидела в двух метрах от Антона, обхватив голову руками. – Охренеть, охренеть...

– Настя, замолчи, – попросил Максим. Он стоял на ногах,

слегка покачиваясь, и крутил головой. – Дай подумать.

– А есть о чем думать? Мы провалились! Мы шли по штреку, а потом... потом пол исчез! Я чувствовала, как падаю, но при этом стояла на месте! Это как?

– Квантовая телепортация, – автоматически ответил Максим. – Или пространственный сдвиг. Или...

– Или мы умерли, – тихо сказала Даша. Она села, подобрала под себя ноги, и посмотрела на свои руки. – Это тот свет?

– Не похоже, – Антон с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, но было относительно терпимо. – В раю, наверное, не должно так сильно болеть.

– В аду жарче.

Максим уже возился со своим рюкзаком, который чудом остался при нём. Он вытащил дозиметр, включил, уставился на экран.

– Фон в норме. Радиации нет. Температура – плюс двенадцать. Влажность – шестьдесят процентов. Атмосферное давление... странно, оно выше нормы, но дышится нормально.

– Где мы? – спросила Даша, поднимаясь. Антон поддержал ее под локоть, она благодарно кивнула.

– Под землей, – Максим обвел рукой пространство. – Очевидно. Но где конкретно – вопрос. Мы прошли метров сто по штреку, потом провалились. По идее, мы должны быть под старым заводом, на глубине метров сорок – пятьдесят.

– Это не завод, – Настя наконец встала и теперь крутилась на месте, разглядывая стены. – Это вообще не рукотворное сооружение. Вернее, рукотворное, но не наше. Посмотрите на кладку.

Она подошла к стене, провела рукой по поверхности. Та была гладкой, почти полированной, но при близком рассмотрении становилось видно, что она состоит из миллионов мельчайших кристаллов, сросшихся в единый массив.

– Это не бетон, – сказала Настя. – И не природный камень. Это выращено. Понимаете? Выращено, как кристалл в растворе, только в огромном масштабе.

– Бред, – Максим подошел ближе, включил мощный фонарь, направил на стену. Кристаллы вспыхнули, заиграли тысячами искр. – Такого не бывает. Чтобы вырастить кристалл таких размеров, нужны тысячи лет и совершенно особые условия.

– Видимо, условия подошли.

Антон отошел от них, двинулся вдоль стены, разглядывая прожилки, которые пульсировали золотистым светом. Они напоминали кровеносную систему – ветвились, утончались, уходили вглубь. Он вспомнил рассказ отца. Тот говорил о сфере с теплыми стенами и прожилками, похожими на вены. Говорил перед смертью, показывал фотографию. Антон тогда не придавал значения, подумал – старческие фантазии, бред умирающего человека. А теперь стоял внутри такой же сферы и чувствовал, как под пальцами пульсирует тепло.

– Ребята, – позвал он. Голос прозвучал глухо. – Идите сюда.

Они подошли. Даша встала рядом, инстинктивно взяла его за руку.

– Что это? – спросила она.

– Не знаю. Но мой отец видел такое. В 99-м году, под Строгино. Там нашли точно такую же сферу, сорок метров в диаметре. Потом засекретили, залили бетоном.

– Твой отец работал на оборонку, – напомнил Максим. – Он много чего видел.

– Но он мне это показал, точнее – фотографию. И сказал: там, внизу, не пусто, там ждут.

– Ждут? – переспросила Настя. – Кого ждут?

– Он не знал.

В этот момент свет в прожилках вспыхнул ярче, стена под пальцами Антона дрогнула, и откуда-то издалека, из глубины камня, донесся низкий гул. Он нарастал, превращаясь в вибрацию, которая проходила сквозь подошвы берцев, сквозь позвоночник, заставляя зубы лязгать.

– Назад! – крикнул Антон, увлекая Дашу к центру зала.

Гул достиг максимума и оборвался. Тишина обрушилась на них такая абсолютная, что заложило уши. А потом стены пошли рябью. Они не разрушались, не трескались – именно рябили, как поверхность воды от брошенного камня, и в этой ряби проступали очертания, фигуры. Люди? Нет. Что-то иное, сотканное из света и тени, движущееся по кристал-

лической решетке, как по коридорам.

– Вы это видите? – шёпотом спросила Настя.

– Вижу, – так же шёпотом ответил Максим. – Но не верю.

Фигуры двигались беззвучно, проходили сквозь стены, сквозь пол, сквозь друзей, не замечая их или не желая замечать. Они были заняты своим делом – строили, перемещались, общались на языке, который звучал как шелест листья и звон капли. Антон поймал себя на мысли, что понимает этот язык. Не словами, нет – всем существом, на уровне древней памяти, спрятанной глубоко в генах.

– Это память, – сказал он. – Стены помнят. Они записали все, что здесь происходило, и сейчас проигрывают.

– Как видеопленка? – уточнил Максим.

– Как живая ткань.

Даша сжала его руку до боли. Антон обернулся к ней и увидел, что она плачет. Беззвучно, не моргая, глядя на фигуры, проплывающие сквозь реальность.

– Даша? Что с тобой?

– Я знаю их, – прошептала она. – Откуда я их знаю?

Фигуры тем временем менялись. Исчезли строители, появились другие – воины в доспехах, не похожих ни на что виденное Настей в учебниках истории. Они сражались с кем-то невидимым, падали, вставали, снова падали. Потом пришли дети. Маленькие фигурки бегали по залу, играли в игры, смысла которых диггеры не понимали. Одна фигурка – девочка с длинными волосами – остановилась прямо напро-

тив Даши, подняла голову и посмотрела ей в глаза. Сквозь тысячелетия, сквозь грань реальности, сквозь кристаллическую решетку стены.

Даша вскрикнула и отшатнулась. Девочка улыбнулась и растаяла.

– Нам нужно уходить, – твердо сказал Максим. Он достал гравитометр, включил, уставился на показания. – Здесь слишком нестабильно. Поле скачет как бешеное. Если будет ещё один выброс, нас может размазать по стенам.

– Куда уходить? – спросила Настя. – Мы не знаем, где выход. Мы не знаем даже, как мы сюда попали.

– Надо искать.

– Я никуда не пойду, – Даша села на пол, обхватила колени руками. – Я видела её. Она была настоящей. Она смотрела на меня.

– Даша, встань, – Антон наклонился к ней, взял за плечи. – Пожалуйста, мы обязательно выберемся, но только все вместе.

– Ты не понимаешь. Она была мной.

– Что?

– Та девочка. У нее мое лицо. Я узнала себя.

Антон растерянно оглянулся на Максима. Тот только развел руками – мол, без понятия. Настя подошла к Даше, села рядом, обняла ее за плечи.

– Бывает, – сказала она тихо. – Оптические иллюзии, игра света. Ты испугалась, вот и показалось.

– Не показалось.

– Даже если не показалось, нам всё равно надо двигаться.

Сидеть здесь и ждать – не вариант. У нас еды часов на восемь, если экономить. Воды – на пять. Надо искать выход.

Даша подняла голову, посмотрела на Настю долгим взглядом, потом кивнула. Антон помог ей встать, она не отстранилась, позволила себя обнять.

– Прости, – шепнула она.

– За что?

– За истерику.

– У нас у всех скоро будет истерика. Это всего лишь вопрос времени.

Максим тем временем изучал зал, водя фонарём по стенам.

– Там проход, – показал он. – Видите? Арка.

Действительно, в противоположной стороне зала темнел проём, который раньше скрывали тени. Антон повёл группу к нему, стараясь не смотреть по сторонам, где всё ещё бродили призраки древних обитателей.

Проём вёл в коридор, похожий на тот, по которому они шли до провала, но более древний. Здесь не было досок, не было бетона – только камень, гладкий, отполированный тысячами. И тишина. Другая, не давящая, а скорее насто-роженная.

– Смотрите, – Настя остановилась у стены. На ней были знаки. Не буквы, не иероглифы – нечто среднее, похожее на

следы птичьих лап, сложенные в причудливые узоры.

– Это письменность?

– Не знаю. Я такой не видела никогда. Ни в одной культуре.

– Сфотографируй.

– Телефон сдох. Связи нет, и батарея села за минуту.

– У меня тоже, – Максим похлопал по карману. – И часы встали. Электроникадохнет.

– А гравитометр?

– Работает, но я сам его собирал. Наверное, поэтому.

Они двинулись дальше. Коридор вился, раздваивался, сходился снова. Диггеры оставляли метки на стенах – Максим достал мелок, чертил стрелки, чтобы не заблудиться. Через час блужданий они вышли к подземной реке.

Вода текла медленно, тяжело, поблёскивая в свете фонарей. Чёрная, маслянистая, она не отражала свет, а впитывала его.

– Не пейте, – предупредила Даша, автоматически включаясь в режим медика. – Я не знаю, что это, но пить это нельзя.

– Пить никто и не собирался, – буркнул Максим. Он присел на корточки у воды, опустил руку в перчатке, попробовал жидкость на ощупь. – Странная. Плотная, как ртуть, только более жидкая.

– Может, это не вода?

– А что?

Ответа никто не знал.

Река уходила в тоннель, такой же чёрный, как она сама. Диггеры пошли вдоль берега, надеясь, что вода куда-то вытекает, а значит, там может быть выход на поверхность.

Через полчаса они нашли мост. Самый настоящий мост – каменный, арочный, перекинутый через подземную реку. Он был старым, очень старым, но сохранился идеально, словно построили его вчера.

– Кто строил мосты под землей? – спросила Настя риторически. – И главное – зачем?

– Чтобы попасть на ту сторону, – Антон показал на противоположный берег. Там, в свете фонарей, угадывалось ещё одно сооружение – высокая башня, уходящая в темноту.

– Легендарно, – Максим сглотнул. – Прямо как во «Властелине колец».

– Пошли?

– А есть выбор?

Они перешли мост. Под ногами глухо гудел камень, внизу текла чёрная вода, не издавая ни звука. На середине моста Антон остановился, посмотрел вниз. Ему показалось, или в воде что-то блеснуло? Что-то золотое, живое, пульсирующее тем же ритмом, что и прожилки в стенах.

– Там кто-то есть, – сказал он.

Все замерли, всматриваясь в черноту. Ничего не было, только маслянистая гладь.

– Померещилось, – решил Максим. – Нервы.

– Наверное.

Башня встретила их пустотой. Она была полой внутри, винтовая лестница уходила вверх и вниз. Вверх – терялась в темноте. Вниз – уходила в воду, потому что основание башни стояло прямо в реке.

– Куда полезем? – спросила Настя.

– Вверх, – решил Антон. – Внизу вода, тупик. А наверху, может быть, выход.

Лестница казалась бесконечной. Они поднимались, считая ступени. Сто. Двести. Триста. Пятьсот. Ноги гудели, дыхание сбивалось. Даша начала отставать, Антон придержал её за руку, помогал идти.

– Я больше не могу, – выдохнула она на шестисотой ступени.

– Можешь. Ещё немного осталось.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Ты сильная, справишься.

Она посмотрела на него в свете фонаря, и Антон увидел в её глазах что-то новое. Не благодарность, не усталость – доверие. Полное, абсолютное доверие. От этого стало тепло, несмотря на холод каменной башни.

– Идём, – сказала она. – Только не отпускай руку.

– Не отпущу.

На тысяча двухсотой ступени лестница кончилась. Они вышли на площадку, перед ними была дверь. Обычная деревянная дверь, обитая железными полосами, с кованой ручкой в виде львиной головы.

– Это не подземелье, – прошептала Настя. – Это чей-то дом.

Антон толкнул дверь.

Она открылась с протяжным скрипом. За ней был... лес. Настоящий лес, осенний, с жёлтыми листьями на деревьях, с запахом прелой травы и дыма. Где-то далеко кричала птица, и небо – небо было настоящим, серым, октябрьским.

– Как? – только и спросил Максим.

Они вышли из башни, обернулись. Башня стояла посреди леса, старая, каменная, поросшая мхом. Вокруг нее кружили птицы, и пахло жизнью.

– Мы выбрались, – Даша заплакала, уткнувшись Антону в плечо. – Мы выбрались, Боже, мы выбрались.

– Погодите, – Максим достал гравитометр, посмотрел на показания, потом поднял голову к небу. – Ребята, это не наше небо.

– В смысле?

– Солнце должно быть с той стороны. И облака движутся не так. И...

Он не договорил. Из леса донеслись крики. Женские крики, полные ужаса, и мужские – гортанные, злые, победоносные. Запахло дымом и кровью.

– Бежим, – скомандовал Антон. – Быстро!

Но бежать было некуда. Башня за спиной исчезла, растворилась в воздухе, оставив их посреди незнакомого леса, где кричали люди на древнем, почти забытом языке.

Глава 3. Портал

Лес встретил их запахом гари. Антон втянул носом воздух, пытаясь определить направление, но ветер метался между стволами, сбивая с толку. Крики стихли так же внезапно, как начались, и это было хуже всего – неизвестность давила сильнее, чем открытая опасность.

– Назад, – Максим крутил головой, ища взглядом башню.
– Надо вернуться в башню.

– Её нет, – Настя стояла на том месте, где только что возвышалась каменная громада, и топтала пожухлую траву. – Была – и нет. Трава даже не примята.

– Этого не может быть.

– Может. Мы же только что выбрались из-под земли через башню, которой здесь никогда не было. Логично, что она исчезла. Это же... это портал или что-то такое.

Антон подошел к Насте, опустился на колени, провел рукой по земле. Дёрн был плотным, старым, корни переплелись в упругую сетку. Если здесь и стояло каменное сооружение весом в сотни тонн, оно не оставило ни малейшего следа.

– Нам нужно понять, где мы, – сказал он, поднимаясь. – Макс, что с приборами?

Максим уже возился с гравитометром, нервно нажимал кнопки, тряс аппарат.

– Глючит. Показывает какую-то чушь. Координаты пля-

шут, магнитное поле... такого поля вообще не бывает в природе. Оно как будто живое, дышит.

– Спутники?

– Какой спутники? Мы под землей были неизвестно сколько, связи нет, GPS не ловит. – Максим убрал прибор в рюкзак, достал обычный компас, посмотрел и выругался. – Стрелка пляшет как бешеная. Север то тут, то там.

– Значит, ориентируемся по солнцу, – Антон поднял голову к небу, прищурился. – Солнце вон там. Значит, там запад, если сейчас около полудня.

– А если не полдень? – спросила Даша. Она стояла чуть поодаль, прислушиваясь к лесу. – Если мы прошли не только через пространство, но и через время?

Все замолчали. Эта мысль витала в воздухе с того момента, как они увидели пульсирующие стены подземного зала, но никто не решался произнести её вслух.

– Даша права, – неожиданно поддержала Настя. – Историк во мне кричит, что это ненормально. Те знаки на стенах, архитектура башни... я такой не видела. Ни в одном учебнике, ни в одной экспедиции. Это не наша история. Или не наше время.

– А чье? – Максим поправил очки, нервно дернул щекой.

– Не знаю. Но лес... посмотрите на лес.

Они огляделись. Лес как лес – берёзы, осины, кое-где дубы, подлесок из орешника. Осень в самом разгаре: листья жёлтые, красные, земля усыпана палой листвой. Пахло гри-

бами и прелью. Обычный русский лес, каких тысячи от Подмосковья до Сибири.

– Обычный лес, – сказал Антон.

– В том-то и дело, что слишком обычный. – Настя подошла к ближайшей берёзе, провела рукой по коре. – Мы в центре Москвы, под нами – километры асфальта, бетона, метро. Здесь не может быть такого леса. Даже в парках не бывает такого подлеска. Это дикий лес, настоящий.

– Значит, мы далеко от Москвы.

– Или глубоко во времени.

Снова крик. Теперь ближе, отчетливее – женский, полный отчаяния, и следом мужской, грубый, торжествующий. Антон рванул в сторону звука, не думая, на автомате. За спиной ли шаги друзей.

Он бежал между деревьями, перепрыгивая через корни и валежник. Ветки хлестали по лицу, но он не замечал. Крики становились громче, ближе. Вдруг лес кончился, и Антон выскочил на опушку.

Картина, открывшаяся перед ним, заставила сердце пропустить удар.

Горела деревня. Несколько изб, окруженных частоколом, пылали ярко, с треском, выбрасывая в небо клубы чёрного дыма. По поляне метались люди в длинных рубахах, лаптях, простоволосые бабы с растрёпанными косами. А верхом на низкорослых лохматых лошадях носились всадники в странных доспехах – кожаных, с нашитыми металлическими пла-

стинами, в остроконечных шапках, с кривыми саблями в руках.

– Твою мать, – выдохнул подбежавший Максим. – Это же...

– Монголы, – закончила Настя. Голос у неё сел, стал хриплым. – Ранние монголы. Тринадцатый век. Я по доспехам узнаю.

– Откуда здесь монголы? Мы в Подмосковье!

– Это не Подмосковье или не наше время.

Один из всадников заметил их. Он что-то крикнул своим, и трое отделились от общей массы, понеслись в сторону диггеров. Антон увидел лица – плоские, с узкими глазами, заросшие редкими бородками, перекошенные злобой и азартом погони.

– Бежим! – заорал он, хватая Дашу за руку.

Они рванули обратно в лес. Сзади слышался топот копыт, гортанные крики, свист. Антон петлял между деревьями, таща за собой Дашу, слыша за спиной тяжелое дыхание Максима и Насти. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, пытались остановить.

– Сюда! – крикнул Максим и свернул в овраг, поросший папоротником.

Они скатились по склону, больно ударяясь о корни и камни, забились под нависший берег ручья. Сверху, совсем рядом, прогрохотали копыта, послышались голоса. Всадники остановились прямо над ними, перекликались, явно потеряв

след. Антон зажал рот Даше рукой, хотя она и так молчала, вцепившись в его куртку побелевшими пальцами.

Один из монголов спешил. Антон слышал его шаги совсем близко, видел край кожаного сапога в полуметре от своего укрытия. Если монгол заглянет под берег – всё. Спрятаться негде, бежать некуда.

Сапог постоял, развернулся и ушел. Шаги затихли. Сверху донёлся удаляющийся топот копыт.

Минуту они сидели не дыша. Потом ещё минуту. Потом Настя всхлипнула, и это прорвало плотину – Даша разрыдалась беззвучно, трясаясь всем телом, Максим вытер пот со лба дрожащей рукой.

– Ушли, – выдохнул он. – Кажется, ушли.

– Тихо, – Антон прислушался. Лес шумел ветвями, где-то далеко всё ещё кричали люди, но крики становились тише, отдалялись. – Сидим пока здесь.

– Сколько?

– Пока не стемнеет.

– А если они вернуться с факелами?

– Значит, будем отбиваться.

– Чем? – Максим оглядел их снаряжение. Веревки, каски, налобные фонари, у Даши в рюкзаке – медицинские препараты, у Насти – блокнот и карандаш. Огнестрела нет, даже ножи – только складные, для хозяйственных нужд. Против монгольских сабель просто смех.

– Электрошокер, – вспомнил Антон. У него в кармане

рюкзак лежал небольшой шокер, купленный для защиты от бродячих собак. – У кого ещё?

– У меня, – Максим достал такой же. – Настя, Даша?

– Я не ношу такое, – Даша покачала головой.

– А я забыла, – Настя виновато развела руками.

– Два шокера против десятка всадников. – Максим усмехнулся невесело. – Круто мы вооружены.

– Хватит, – оборвал Антон. – Надо думать, что делать дальше.

Они сидели в овраге до темноты. Слушали лес, вздрагивали от каждого шороха. Настя пыталась анализировать ситуацию с профессиональной точки зрения, но срывалась на истерику. Максим молча перебирал приборы, проверял, что работает, что сдохло. Даша прижималась к Антону, и он чувствовал, как её бьет дрожь, хотя на улице не было холодно.

Когда стемнело окончательно, они выбрались из оврага. Лес встретил их ночными звуками – ухал филин, где-то пищала мышь, ветер шелестел листвой. Никаких признаков монголов, никаких криков. Только вдалеке, в стороне деревни, все ещё светилось зарево пожара.

– Надо идти туда, – сказала Настя.

– С ума сошла? – Максим уставился на нее. – Там же эти...

– Они ушли. Налетели, ограбили и ушли, их дело – набег.

А там, может, раненые остались, наши предки. Мы не можем просто бросить их.

– Она права, – Даша поднялась, вытирая лицо. – Я медик

и если есть раненые, я обязана помочь.

– Вы обе с ума сошли, – Максим покачал головой. – Мы сами еле ноги унесли. Нас убьют, если вернемся.

– Не вернемся, – Антон принял решение. – Мы аккуратно подойдем, посмотрим. Если опасно – уйдем. Но Даша права. Если есть раненые, мы не имеем права бросать.

– С каких пор мы имеем какие-то обязанности перед людьми, которые жили восемьсот лет назад?

– С тех самых, – жестко ответил Антон, – что мы, возможно, никогда не вернёмся домой. И жить нам здесь. А жить с грузом на совести я не хочу.

Максим хотел возразить, но Настя взяла его за руку, и он замолчал.

Деревня встретила их запахом смерти. Гарь, паленая плоть, кровь – запахи, которые не спутаешь ни с чем. Антон зажимал рот и нос рукавом, но они все равно проникали внутрь, заставляя желудок сжиматься.

Избы догорали, роняя искры в чёрное небо. На земле лежали тела – мужчины в разорванных рубашках, женщины, дети. Настя всхлипывала, прикрывая рот ладонью. Даша, пересилив себя, подошла к ближайшему телу, проверила пульс, покачала головой.

– Помогите...

Голос донесся из-под развалин амбара. Тихий, слабый, детский. Антон рванул туда, начал разбирать обгоревшие доски, обжигая руки. Максим подключился, отбрасывая го-

ловёшки ногами. Под досками лежал мальчик лет десяти, прикрытый телом женщины – видимо, матери. Она была мертва, мальчик жив, но правая рука висела плетью, из страшной раны на голове текла кровь.

– Даша! – крикнул Антон.

Даша уже была рядом, раскрывала аптечку профессиональными движениями, которые не могла убить никакая паника. Перекись, бинты, обезболивающее. Мальчик смотрел на них огромными глазами, полными ужаса и непонимания. Он никогда не видел таких людей – в странной блестящей одежде, со светящимися головами (налобные фонари все еще горели), с прозрачными пакетами и непонятными инструментами.

– Не бойся, – Антон опустился рядом на колени, взял мальчика за здоровую руку. – Мы поможем. Тебя как зовут?

Мальчик молчал, только вздрагивал всем телом.

– Он не понимает, – тихо сказала Настя. – Это древнерусский язык, он сильно отличается от нашего. Дайте я попробую.

Она заговорила, медленно подбирая слова, вспоминая курсы древнеславянских диалектов. Мальчик вздрогнул, услышав родную речь, и заплакал. Сквозь всхлипывания он произнес несколько слов.

– Он говорит, что его зовут Микула, – перевела Настя. – Что пришли «поганые», убили всех, забрали сестру. Мать закрыла его собой, а сама...

Она не договорила. Даша тем временем обработала рану, наложила повязку. Рука, судя по всему, была сломана, но не безнадежно.

– Надо вправлять и шину накладывать, – сказала она. – Здесь не место. Надо увести его отсюда.

– Куда?

– К башне. – Максим оглянулся на лес. – Надо вернуться туда, где мы вышли. Может, портал еще работает.

– А если нет?

– Тогда будем искать убежище. Но оставаться здесь нельзя – монголы могут вернуться утром.

Антон подхватил мальчика на руки. Тот был легким, почти невесомым – кожа да кости. Они пошли обратно в лес, ориентируясь по звездам и внутреннему чутью. Даша шла рядом, держа мальчика за руку и тихо говоря что-то успокаивающее.

Место, где стояла башня, нашлось легко – по примятой траве, где они топтались в первый раз. Но башни не было. Только поляна, залитая лунным светом, и ни намека на каменное строение.

– Что теперь? – спросила Настя.

– Ждать, – решил Антон. – Раз здесь портал сработал один раз, сработает и второй. Надо просто ждать.

– А если он сработает через тысячу лет?

– Значит, будем жить здесь.

Мальчик Микула застонал. Даша дала ему обезболиваю-

щее, он провалился в сон. Они устроились под деревьями, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло. Осенняя ночь была холодной, а спальников у них не было – все осталось в машине, в другом мире.

– Антон, – позвала Даша шёпотом.

– Что?

– Мы умрем здесь?

– Нет.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я тебя не отдам никаким монголам, никакому времени, ничему. Поняла?

Даша помолчала, потом придвинулась ближе, положила голову ему на плечо.

– Я тебе верю, – сказала она. – Странно, да? Мы в полной заднице, неизвестно где, неизвестно когда, а я тебе верю.

– Не странно. Я сам себе верю.

Настя и Максим сидели чуть поодаль, но Антон видел, что Максим обнимает Настю за плечи, а она уткнулась носом ему в шею. Страх притих, уступив место усталости и странному спокойствию.

Луна поднялась выше, осветила поляну холодным светом. Антон смотрел на то место, где стояла башня, и ждал. Ждал, что она появится снова. Ждал, что портал откроется и унесёт их домой. Ждал чуда.

Чудо не приходило.

Зато пришло утро. Серое, холодное, с тяжёлым туманом,

стелющимся по земле. Микула проснулся, застонал. Даша сменила повязку, напоила водой.

– Надо искать еду, – сказал Максим, поднимаясь. За ночь он осунулся, под глазами легли тени. – У нас есть сухпайки, но надолго не хватит. И воду надо где-то брать.

– В овраге ручей, – вспомнила Настя. – Вода там чистая, я проверяла.

– Значит, идем к ручью. И надо понять, что это за место. Вдруг рядом есть другие деревни, люди. Может, они знают, где тут башня или что-то похожее.

Микула, услышав родную речь, насторожился, потом заговорил быстро, взволнованно. Настя слушала, хмурилась.

– Он говорит, что башня – это нехорошее место. Старцы запрещали ходить туда. Говорили, что там врата в Навь, в мир мертвых. Оттуда приходят чудища и духи.

– Врата в Навь, – усмехнулся Максим. – Хорошее название для портала.

– А еще он говорит, что те, кто входил в башню, либо исчезали навсегда, либо возвращались... другими.

– Другими – это как?

– Не знает. Мать рассказывала сказки.

Антон посмотрел на поляну, где среди травы лежал лунный свет. Врата в Навь. Мир мертвых. Возможно, так древние славяне называли другие времена. Или другие реальности.

– Мы вернемся туда, – сказал он твердо. – Но сначала надо

понять, как это работает. И выжить.

Они спустились к ручью, напились, умылись. Даша обработала Микуле руку по-настоящему – вправила кость, наложила шину из подручных материалов. Мальчик терпел, стиснув зубы, только изредка всхлипывал.

– Храбрый, – похвалила Даша. – Настоящий воин.

Микула не понял слов, но понял интонацию. Улыбнулся слабо.

Утро разгоралось, туман рассеивался. Лес просыпался, наполнялся птичьими голосами. Где-то застучал дятел. Обычное утро, но страшное своей обычностью посреди необычного.

– Слышите? – Максим замер, прислушиваясь.

Издали донесся звук, ритмичный и тяжелый. Это был стук копыт.

– Монголы возвращаются, – побелела Настя.

– Бежим, – скомандовал Антон.

Но бежать было некуда. Лес вокруг был слишком редким, не спрятаться. Овраг – слишком далеко. А копыта гремели все ближе.

И вдруг земля под ногами дрогнула. Загудела, заходила ходуном. Трава на поляне, где стояла башня, вспыхнула золотистым светом, воздух замерцал, и из ниоткуда проявились очертания – каменные стены, арка, дверь с львиной головой.

Башня возвращалась.

– Туда! – заорал Антон, схватил Микулу на руки и рванул к порталу.

Они бежали, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Сзади уже слышались крики монголов – всадники вылетели из леса, увидели беглецов, погнали лошадей.

Даша споткнулась, упала. Антон развернулся, поставил Микулу на ноги, подхватил её.

– Беги! Я прикрою!

– Чем?

– Беги, сказал!

Монголы приближались. Антон выхватил электрошокер – смешное оружие против сабель и луков. Но другого не было.

Первый всадник налетел, занося кривую саблю для удара. Антон уклонился, ткнул шокером в лошадиный круп. Лошадь взвизгнула, взбрыкнула, скинула седока. Второй монгол натягивал лук, целясь прямо в Антона.

И тут мир схлопнулся.

Золотистый свет вспыхнул с нестерпимой силой, поглотил все – лес, монголов, крики, боль. Антон почувствовал, как его тянет куда-то, выворачивает наизнанку, смешивает с пространством и временем.

А потом – тишина.

Он лежал на холодном камне. Над ним был сводчатый потолок, освещенный пульсирующими прожилками. Рядом кашляла Даша, плакал Микула, Максим матерился сквозь зубы.

– Мы вернулись, – прошептала Настя. – Мы под землей.

Башня исчезла и вместо неё теперь был зал с пульсирующими стенами – тот самый, с которого началось их путешествие.

– Портал двусторонний, – Максим встал, отряхнулся. –

Выходит, он ведёт отсюда в прошлое и обратно.

– Но мы же были в башне, потом в лесу...

– Башня – это промежуточная станция. А этот зал – центральный узел.

Микула смотрел на светящиеся стены круглыми от ужаса глазами и крестился дрожащей рукой.

– Матерь божья, – бормотал он. – Навь, чистая Навь.

– Не бойся, – Антон положил руку ему на плечо. – Это не Навь. Это... это другое.

– Какое?

– Мы сами не знаем. Но узнаем.

Он поднял голову, посмотрел на пульсирующие стены. Где-то там был их дом – 2025 год, Москва, Нива на парковке, обычная жизнь. А где-то в другой стороне – тринадцатый век, горящие деревни, монгольские сабли и мальчик Микула, которого они спасли.

– Мы вернемся домой, – сказал Антон. – Но сначала... сначала мы должны понять, что это за место. И почему оно выбрало нас.

– Оно выбрало? – Даша подняла на него глаза.

– Мой отец говорил: там ждут. Может, это место ждало

именно нас. Диггеров. Копателей.

– Копателей чего?

– Временных цивилизаций.

Глава 4. Княжество на костях

Золотистый свет пульсировал в такт с дыханием – или дыхание подстраивалось под свет? Антон поймал себя на том, что смотрит на прожилки в стене и дышит в одном ритме с ними. Это было странно, почти гипнотически, но оторваться не получалось.

– Так, народ, – Максим хлопнул в ладоши, звук разнесся под сводами зала, – давайте не впадать в транс. Нам нужно оценить запасы и понять, что делать дальше.

– Оценивать особо нечего, – Даша уже раскрыла свой медицинский рюкзак, перебирала упаковки. – Бинты, перекись, обезболивающее, антибиотики, жгут, пластырь. На неделю, если не особо усердствовать.

– Еда? – спросил Антон.

Максим вытряхнул содержимое своего рюкзака на пол. Три упаковки армейского сухпая, две бутылки воды, шоколадки, орехи.

– На трое суток, если растянуть.

– У меня тоже, – Настя добавила к кучке свои запасы. – Четверо, может, пятеро суток. Потом – голод.

– Воды у нас на двое суток, – Максим покачал бутылки. – Если не найдем источник, худо будет.

Микула сидел в стороне, прижимая к груди перевязанную руку, и смотрел на дигтеров с ужасом и любопытством од-

новременно. Его мир рухнул сегодня – мать убита, дом сожжен, сестра угнана в полон, а сам он оказался в обществе странных существ, которые говорили на почти понятном, но чужом языке, носили блестящие шкуры и излучали свет из головы.

– Насть, – позвал Антон, – поговори с ним, успокой. Спроси, знает ли он это место, может, слышал что-то от старцев.

Настя подсела к мальчику, заговорила медленно, тщательно подбирая слова. Микула слушал, хмурился, потом ответил длинной фразой, размахивая здоровой рукой.

– Он говорит, что мы в Нави, – перевела Настя. – Мире мертвых, потому что только в Нави бывает такой свет – не живой и не мертвый. Старцы рассказывали: кто попадёт в Навь, может выйти, если найдет дорогу обратно, но дорогу охраняют духи.

– Духи? – Максим нервно оглянулся. – Какие еще духи?

– Предков, – Настя продолжила перевод. – Тех, кто жил здесь до нас. Микула говорит, что под землей живут духи древних людей, которые строили эти ходы. Они не злые, но могут запутать, увести вглубь, откуда нет возврата.

– Конструктивно, – буркнул Максим. – Значит, нам нужен выход на поверхность.

– Микула говорит, что есть один способ. Надо попросить разрешения у духов, принести жертву.

– Какую жертву?

– Не знает. Старцы этого не рассказывали мальчикам.

Антон поднялся, прошелся по залу, разглядывая стены. Пульсация стала чуть заметнее, словно зал реагировал на их присутствие. Он вспомнил отцовские слова: «Там ждут». Кого ждут? Зачем?

– Мы не будем ничего приносить в жертву, – решил он. – Мы будем искать выход. У нас есть фонари, верёвки, снаряжение. Мы диггеры, мать вашу. Мы лазали по таким дырам, что черт ногу сломит. Найдем выход и отсюда.

– А если нет? – тихо спросила Даша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.